

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
_____
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Заключение под стражу: основания и порядок применения»

Обучающийся

П.Е. Хохлов

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Реализация конституционного приоритета прав и свобод личности особенно важна в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, которая предусматривает возможность применения серьёзных ограничений прав и свобод личности, что имеет место в ходе применения мер пресечения.

Самой репрессивной из таких мер является заключение под стражу, сопоставимое по характеру своего правоограничительного воздействия с лишением свободы. Она выступает в качестве наиболее обсуждаемой в науке меры, что связано с тем, что посредством её применения происходит наиболее жёсткое вторжение в сферу прав и свобод личности, гарантированных на конституционно-правовом уровне.

Существующее процессуальное регулирование заключения под стражу имеет ряд значимых недостатков, широко обсуждаемых в науке и правоприменительной практике, что делает исследование процессуального регулирования заключения под стражу актуальной темой для научного анализа.

Цель исследования: проанализировать заключение под стражей в качестве меры пресечения в российском уголовном процессе.

Проблемы, связанные с применением заключения под стражу при производстве по уголовным делам поднимаются в работах многих отечественных специалистов как советского, так и постсоветского периода. Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.С. Барабаш, Б.Т. Безлепкин, Ю.Р. Гершевский, И.В. Головинская, З.Д. Еникеев, Н.И. Капинус, Н.П. Кириллова, В.М. Корнуков, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, С.В. Тетюев и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие мер пресечения в уголовном процессе России, основания и условия ограничения конституционных прав личности, посредством применения мер пресечения	8
1.1 Понятие и сущность мер пресечения	8
1.2 Основания и условия ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе России, посредством применения мер пресечения	14
Глава 2 Общая характеристика и особенности заключения под стражу как меры пресечения в уголовном процессе России	23
2.1 Место и роль заключения под стражу в системе мер пресечения ...	23
2.2 Особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения	29
Глава 3 Проблемы процессуальной регламентации и практики применения заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России	38
3.1 Проблемы процессуальной регламентации заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России	38
3.2 Проблемы, связанные с практикой применения заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России	43
Заключение	57
Список используемой литературы и используемых источников	66

Введение

Актуальность исследования. Определение высших приоритетов в государственной деятельности формируется на уровне Конституции Российской Федерации [28] (Конституции РФ). Законодатель в разряд основных наиважнейших приоритетов, обоснованно включает защиту прав и свобод личности, именуя таковые «высшей ценностью» (п. 1 ст. 2 Конституции РФ).

Реализация данного приоритета особенно важна в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, которая предусматривает возможность применения серьёзных ограничений прав и свобод личности.

Это, соответственно, имеет место в ходе применения субъектами, наделёнными властными государственными полномочиями, широкого спектра мер пресечения, обозначенных в качестве полноценной системы в главе 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [49] (УПК РФ).

Элементы такой системы сформулированы как разнопорядковые меры, имеющие отличный друг от друга правоограничительный потенциал, разные механизмы превентивного воздействия, но, при этом, направленные на достижение единой цели, применяемые к единым субъектам по общим для всех мер пресечения основаниям.

Самой жёсткой и репрессивной из таких мер является заключение под стражу, которое, как правило, выступает в качестве наиболее обсуждаемой в науке меры, что связано с тем, что посредством её применения происходит наиболее жёсткое вторжение в сферу прав и свобод личности, гарантированных, как несложно заметить, на конституционно-правовом уровне.

В контексте данной меры пресечения применяется воздействие, сопоставимое по характеру с лишением свободы, применяемым по приговору суда к виновным в совершении преступлений.

При этом, заключению под стражу, как закономерно следует из самого характера и назначения института мер пресечения, подвергается лицо, в отношении которого отсутствует итоговый вывод суда о виновности в совершении уголовно наказуемого деяния.

Это требует от правоприменителя взвешенного подхода к вопросу избрания в отношении подозреваемого или обвиняемого данной меры уголовно-процессуального принуждения.

Без такого подхода не представляется возможным осуществление комплексной защиты прав и свобод личности, как основы деятельности государственных органов в демократическом правовом государстве, поскольку бездумное применение жёсткого государственного принуждения – есть характеристика тоталитарного государства, во главе интересов которого иные ценности.

При этом, до настоящего времени проблема применения меры пресечения в виде заключения под стражу не утратила своего значения. При реализации соответствующих уголовно-процессуальных норм, субъекты, наделённые властными полномочиями, сталкиваются с многочисленными сложностями.

Существующее процессуальное регулирование заключения под стражу имеет ряд значимых недостатков, широко обсуждаемых в науке, а правоприменительная практика говорит об упущениях, допускаемых судами при назначении данной меры пресечения, что делает исследование процессуального регулирования заключения под стражу актуальной темой для научного анализа.

Цель исследования: проанализировать меру пресечения в виде заключения под стражей в российском уголовном процессе.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие, сущность мер пресечения, а также основания ограничения конституционных прав личности, посредством мер пресечения;
- определить место и роль заключения под стражу в действующей системе мер пресечения в уголовном процессе Российской Федерации;
- охарактеризовать процессуальные особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, обозначенные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации;
- проанализировать актуальные проблемы процессуальной регламентации и практики применения заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России.
- сформулировать выводы и предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменения.

Объект исследования: уголовно-процессуальные отношения, связанные с применением мер пресечения при производстве по уголовным делам в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Предмет исследования: уголовно-процессуальные нормы, а также материалы актуальной судебной практики, связанные с применением меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном процессе Российской Федерации на современном этапе.

Методология исследования: в работе использован комплекс разнообразных современных методов познания, применяемых в юридической науке и иных сферах научного познания, из которых можно выделить – диалектический метод познания, метод структурного анализа уголовно-правовых норм и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с применением заключения под стражу при производстве по уголовным делам

поднимаются в работах многих отечественных специалистов как советского, так и постсоветского периода, что в очередной раз подтверждает востребованность и актуальность данной темы исследования на протяжении длительного периода времени.

Следует отметить, что, в работах прослеживается определённая преемственность базовых представлений о мерах уголовно-процессуального принуждения, применяемых при производстве по уголовным делам.

Необходимо отметить работы таких авторов, как: А.С. Барабаш, Б.Т. Безлепкин, Ю.Р. Гершевский, И.В. Головинская, З.Д. Еникеев, Н.И. Капинус, Н.П. Кириллова, В.М. Корнуков, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, С.В. Тетюев и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие мер пресечения в уголовном процессе России, основания и условия ограничения конституционных прав личности, посредством применения мер пресечения

1.1 Понятие и сущность мер пресечения

В контекст осуществления уголовно-процессуальной деятельности включен комплекс правоотношений между субъектами уголовного судопроизводства, обладающими властными полномочиями и иными участниками уголовного судопроизводства в связи с реализацией назначения уголовного судопроизводства под которым в соответствии со ст. 6 УПК РФ понимается «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

Анализируемая область государственно-властных отношений связана с регулированием одной из самых острых сфер взаимодействия индивида и государства, поскольку именно здесь – в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, часто появляется необходимость ограничить со стороны государства ряд значимых конституционных прав личности.

Процессуальный институт, который служит реализации такой задачи, именуется мерами уголовно-процессуального принуждения.

С.Б. Россинский отличительными особенностями мер уголовно-процессуального принуждения считает следующее:

- «они могут быть предусмотрены только уголовно-процессуальным законодательством и применяются только в рамках уголовного судопроизводства;
- могут быть применены только к участникам уголовного судопроизводства, чье ненадлежащее поведение создает или может создавать препятствия для расследования и судебного

разбирательства уголовного дела, а также для решения иных задач уголовно-процессуальной деятельности;

- могут применяться только на основании решений субъектов уголовной юрисдикции. Правом избрания наиболее строгих мер принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы, обладает только суд;
- решение о применении любой меры уголовно-процессуального принуждения оформляется соответствующим уголовно-процессуальным документом» [45, с. 168].

По мнению В.П. Божьева, «меры процессуального принуждения характеризуются следующими особенностями:

- они применяются в рамках производства по уголовному делу властными субъектами правоотношений - дознавателем, следователем, прокурором и судом;
- связаны с ограничением и стеснением прав и свобод граждан, в том числе предусмотренными Конституцией;
- направлены на достижение четко указанных в законе целей: обеспечение установленного УПК порядка уголовного судопроизводства, предупреждение или пресечение ненадлежащего поведения участников процесса, обеспечение исполнения участниками процесса возложенных на них законом процессуальных обязанностей, соблюдение порядка судебного заседания, обеспечение исполнения приговора суда;
- применяются, как правило, к участникам уголовного процесса, а в отдельных случаях и в отношении лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в связи с расследованием и рассмотрением в суде уголовных дел (лица, у которых находятся предметы или документы, переданные им подозреваемым, обвиняемым; лица, присутствующие в судебном заседании и нарушающие установленный порядок его проведения);

– могут быть применены лишь в порядке, предусмотренном законом» [10, с. 163].

На основе изложенного в работах исследователей, можно сформулировать вывод о том, что к числу специфических критериев мер процессуального принуждения на передний план выступает возможность их использования исключительно на этапах уголовного судопроизводства.

Следует согласиться с И.В. Головинской в том, что «меры уголовно-процессуального принуждения применяются уполномоченными на то должностными лицами и государственными органами при наличии оснований и в порядке, установленных законом» [17, с. 90].

Применение любой из предусмотренных законом мер пресечения, субъект применения (правоприменитель) должен иметь соответствующие властные полномочия, с наличием которых неразрывно связана способность реализации от имени государства принуждения, как такового.

В этой связи, в качестве процессуальных субъектов, которые наделены процессуальной возможностью применить меру пресечения, могут выступать только представители государства – госорганы и должностные лица.

Также необходимо отметить наличие, так называемой, «принудительной сущности» в содержании анализируемого института уголовно-процессуального права России. Она просматривается в контексте применения мер пресечения к соответствующим субъектам без учёта мнения последних. С принудительной сущностью соотносится репрессивный характер правоограничений, входящих в сам контекст данного института.

О какой бы мере принуждения не шла речь, её использование неизбежно сопрягается с ограничением возможностей лица пользоваться отдельными правами и свободами наравне с другими членами общества, а наиболее строгие меры принуждения содержат в себе ограничения конституционного порядка, что обуславливает возможность их применения в контексте особых гарантий законности и обоснованности их применения.

Таким образом, меры уголовно-процессуального принуждения – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом процессуальные средства принудительного характера, применяемые в сфере уголовного судопроизводства для содействия успешному выполнению задач уголовного процесса.

Как отмечается специалистами, «в теории уголовного процесса общепринято суждение, что меры пресечения – это разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, что все признаки, которыми обладает уголовно-процессуальное принуждение, в равной степени имеют прямое отношение и к мерам пресечения» [32, с. 29].

В своей основе, данное суждение верно, но полное отождествление мер уголовно-процессуального принуждения и мер пресечения недопустимо, в противном случае в науке и практике не выделялась категория «меры пресечения».

В этой связи, можно констатировать, что меры пресечения обладают собственными свойствами, благодаря которым их можно успешно отграничивать от мер уголовно-процессуального принуждения и подвергать самостоятельному научному анализу.

Как отмечает Б.Т. Безлепкин, «меры пресечения могут применяться только к определенным участникам уголовного судопроизводства, к которым относятся обвиняемый и подозреваемый – участники, на которых направлено уголовное преследование» [8, с. 190].

Некоторые авторы выделяют двойственность природы мер пресечения.

Как верно отмечает С.И. Вершинина «обозначив превентивные по сущности меры в качестве мер пресечения, т.е. мер, пресекающих противоправные деяния, законодатель допускает их использование и в целях прекращения ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого. Наряду с превентивным характером меры пресечения характеризуются их направленностью на прекращение противоправного поведения обвиняемого» [13, с. 115].

«Меры пресечения применяются только уполномоченными уголовно-процессуальным законом органами и должностными лицами при наличии оснований и в строго установленном законом порядке. Строгая регламентация законом является качественным признаком понятия мер пресечения, которое, в отличие от собирательного, обобщенного понятия мер уголовно-процессуального принуждения, носит конкретный, определенный характер» [6, с. 184] – указывается в науке.

Субъектами, которые вправе применить меры пресечения, в соответствии с ч. 1 ст. 97 УПК РФ, являются следователь, дознаватель и суд. Также следует отметить, что их полномочия в плане применения мер пресечения, не являются идентичными.

Следователь – должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК (ст. 38 УПК РФ).

На следователя возлагается обязанность производить предварительное следствие по уголовным делам, в рамках которого следователь правомочен применять меры процессуального принуждения.

Что же касается заключения под стражу – он составляет соответствующее ходатайство в суд, которое составляется с согласия руководителя следственного органа, в рамках его процессуальных полномочий.

Дознаватель – является субъектом стороны обвинения, осуществляющим расследование уголовного дела в форме дознания, в рамках которого на него начальником органа дознания возлагаются соответствующие полномочия по производству дознания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, вправе осуществлять любые следственные и иные процессуальные действия, а также принять необходимые процессуальные решения, в том числе, связанные с составлением ходатайства о заключении под стражу лица, на которое направлено уголовное преследование.

Данное ходатайство, составленное дознавателем, с согласия прокурора, в рамках его надзорных полномочий, используемых в предварительном расследовании по уголовным делам.

По общему правилу, меры пресечения применяются следователем или дознавателем, в рамках расследования преступления, самостоятельно – лишь самые строгие меры пресечения, существенно ограничивающие права и свободы подозреваемого или обвиняемого требуют судебной санкции.

В этой связи, суд обладает максимальными в данном контексте полномочиями, имея возможность назначить самые строгие, из имеющихся в главе 13 УПК РФ, меры пресечения.

В данном вопросе проявляется ведущая и исключительная роль суда, как гаранта законности и обоснованности правоограничений, связанных с конституционными свободами личности в уголовном процессе Российской Федерации.

Как видно, законодатель, в целом, отводит суду, как участнику уголовного судопроизводства, особую роль в ряду остальных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, выделив для этих целей отдельную главу с которой и начинается раздел II «Участники уголовного судопроизводства».

Таким образом, перечень решений, которые суд и только суд правомочен принимать в том числе в досудебном производстве достаточно широк и содержательно направлен на защиту конституционных прав и свобод личности, а также на обеспечение контроля за соразмерностью и обоснованностью применения ряда правоограничений, включая те, что направлены на обеспечение превентивного воздействия при производстве по уголовным делам.

Именно суд обоснованно рассматривается законодателем в качестве того органа, который выступает гарантом законности и обоснованности вторжения в сферу гарантируемых на конституционно-правовом уровне благ при производстве по уголовным делам, что обуславливается необходимостью

создания подлинно демократического режима применения принуждения в государстве, где приоритет прав и свобод индивида является реальным, а не декларативным.

На этапе предварительного расследования это особенно важно, с учётом того, что именно при расследовании преступления спектр репрессивных правомочий стороны обвинения является максимально широким, превалируя над правомочиями стороны защиты. Лишь в судебных стадиях принцип состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ) реализуется в полной мере.

На основе проанализированных точек зрения на признаки, сущность и природу мер пресечения, сформулировать следующее определение мер пресечения: это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые субъектами, наделёнными властными полномочиями при наличии оснований и с учётом условий, установленных УПК РФ, к лицу, на которое направлено уголовное преследование с целью предотвращения его возможности скрыться от предварительного расследования или суда, предупреждения или пресечения его преступной деятельности, нейтрализации или устранения неправомерного противодействия производству по уголовному делу.

1.2 Основания и условия ограничения конституционных прав личности в уголовном процессе России, посредством применения мер пресечения

Ограничение прав личности, вовлекаемой в сферу уголовно-процессуальных отношений, должно, безусловно, базироваться на чётких основаниях, при наличии ряда условий.

Хотя законодатель уделил данному вопросу своё внимание, включив соответствующие положения в главу 13 УПК РФ, тем не менее, они не претендуют на полноту и исчерпывающий характер, что позволяет

дискуссиям о понятии оснований и условий применения мер пресечения продолжать существовать на страницах научных работ.

«Мнения ученых не совпадают по поводу круга фактических данных, обуславливающих право дознавателя, следователя, судьи и суда на избрание меры пресечения; достаточности вероятного или необходимости достоверного знания об их наличии; классификации оснований и т.д.» [26, с. 220] – как указывается некоторыми учёными.

«Более существенные разногласия вызывает вопрос о понятии и содержании условий применения мер пресечения» [19, с. 34] – писал З.Д. Еникеев и данное суждение по-прежнему не утратило актуальность.

Исходя из положений ст. 101 УПК РФ усматривается приоритетность основания для избрания меры пресечения относительно условий.

Основания и условия, о которых идёт речь, при применении на практике института уголовно-процессуального принуждения, имеют своё самостоятельное процессуальное значение.

Характеризуя данные основания, стоит сказать о том, что данная категория связана с наличием фактических сведений, в качестве которых авторы определяют соответствующие доказательства: «в основе решений о применении мер пресечения, несмотря на их превентивный характер, должны лежать доказательства» [37, с. 83].

Указанные подтверждающие доказательственные материалы должны содержать в себе такие сведения, из содержания которых следует необходимость применения соответствующей меры пресечения, как естественной реакции со стороны государства, заинтересованного в обоснованном превентивном воздействии.

Как отмечается некоторыми специалистами, такие сведения могут указывать на то, «что обвиняемый (подозреваемый) может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, либо воспрепятствовать установлению истины по делу, либо заниматься преступной деятельностью, либо уклониться от исполнения приговора» [29, с. 66].

Следует согласиться с высказываемым мнением о том, что «предъявление обвинения и наличие достаточных обвинительных доказательств необходимо рассматривать не как основание для избрания меры пресечения, а как необходимое условие, порождающее право на ее избрание и определяющее субъект, к которому эта мера может быть применена» [12, с. 25].

Применение к подозреваемому или обвиняемому конкретной меры пресечения будет обоснованным только тогда, когда наличествует угроза создания препятствий на пути достижения назначения уголовного судопроизводства в виде нежелательного для государства поведения подозреваемого или обвиняемого (его активных действий).

Нет противоречий в основаниях для избрания меры пресечения по действующему УПК РФ и в положениях п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому «содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора» [31].

Таким образом, выводы следователя, дознавателя или суда о необходимости применения меры пресечения к подозреваемому или обвиняемому должны базироваться на конкретной доказательственной информации, отвечающей соответствующим требованиям относимости, допустимости и достоверности.

Применение меры пресечения лишь на основе эфемерных предположений, у которых отсутствует объективная взаимосвязь с действительностью, не может рассматриваться как обоснованное и, соответственно, отвечающее требованию законности.

Именно для этого, в российском уголовном судопроизводстве присутствуют процессуальные гарантии.

Как указывается отдельными авторами, «процессуальные гарантии в сфере уголовного судопроизводства – это установленные уголовно-процессуальным законом средства и способы, обеспечивающие достижение назначения уголовного судопроизводства и возможность реализации всеми участниками уголовного процесса своих прав и выполнение обязанностей» [21, с. 12].

Особое значение таковые имеют при ограничении прав и свобод личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальную деятельность.

Как отмечается в науке, «обеспечение прав личности и достижение целей уголовного судопроизводства возможно лишь в результате согласованных действий всех видов процессуальных гарантий» [21, с. 17].

«Фактические данные, на которых базируется соответствующий вывод, должны быть установлены достоверно, бесспорно, однако сам вывод о возможности наступления определенных фактов, с которыми закон связывает применение мер процессуального принуждения, при этом не всегда становится достоверным» [29, с. 70] – пишет в этой связи В.М. Корнуков.

При этом, нужно понимать, что «вероятность свойственна не самому основанию для принятия процессуального решения о применении меры пресечения, а будущему поведению обвиняемого» [21, с. 37].

То есть, основание – вполне реально и объективно, а возможность реализации со стороны подозреваемого или обвиняемого нежелательного поведения – вероятно.

В законодательной конструкции, которая использована федеральным законодателем в тексте УПК РФ, с очевидностью указано, что основанием для избрания меры пресечения может служить не достоверный факт, а «достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо

иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Таким образом, в качестве фактических оснований для избрания лицу, на которое направлено уголовное преследование, меры пресечения, выступают те доказательства, которые содержат в себе сведения о вероятном противодействии производству по делу с его стороны, либо ином нежелательном поведении, примеры которого обозначены законодателем в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Для того же, чтобы субъект, наделённый властными полномочиями, избрал конкретную меру пресечения, необходимую и достаточную в конкретном случае, помимо оснований, необходим учёт определённых условий.

«Под условиями применения мер пресечения следует понимать установленные нормами уголовно-процессуального закона или с очевидностью вытекающие из них обстоятельства, с наличием которых связаны возможность, целесообразность и правильность использования мер пресечения» [19, с. 34] – пишут специалисты.

Если основания правомерно рассматривать, как главенствующие в вопросе законного избрания и применения меры пресечения, то условия правомерно рассматривать, как следующий по значимости элемент, применение которого обуславливается наличием оснований, без которых условия применения мер пресечения лишены смысла.

Как верно отмечает Н.И. Капинус, «условия индивидуальны, применительно к каждому конкретному уголовному делу и к каждому конкретному подозреваемому (обвиняемому), проходящему по данному делу в соответствующем уголовно-процессуальном качестве» [21, с. 37].

Условия нужны в целях формирования у соответствующего должностного лица, наделённого властными полномочиями, уверенности, относительной той меры пресечения, которая будет оптимальной для

достижения тех задач, ради которых институт мер пресечения существует в уголовно-процессуальном регулировании.

Также условия помогают субъекту, наделённому властными полномочиями, выстроить необходимый баланс между гарантированным достижением превентивной цели мер пресечения и степенью оказываемого принудительного воздействия, заложенного в конкретную меру пресечения. Такой баланс должен быть оптимальным – должно достигаться равновесие, поскольку недостаточная по-своему правоограничительному воздействию мера не достигнет желаемого результата, а необоснованно-строгая мера пресечения хотя и, скорее всего, достигнет результата, но причинит лицу, на которое направлено уголовное преследование, излишние страдания и лишения. Кстати, никогда нельзя забывать о том, что данное лицо, по итогу судебного разбирательства, может оказаться невиновным в совершении инкриминируемого ему преступления.

Здесь отчётливо проступает важность не только конституционного, но и уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности, который пронизывает собой всё производство по уголовному делу и в особенности предварительное расследование, в ходе производства которого и возникает необходимость в применении мер пресечения.

В этой связи является недопустимым использование органами государства, при составлении и при разрешении ходатайства о применении к лицу заключения под стражу в качестве меры пресечения формулировок, свидетельствующих о предрешении вопроса о его виновности – должна лишь производиться проверка наличия оснований для заключения лица, на которое направлено уголовное преследование, под стражу, но не в связи с совершением данным лицом преступления, а в связи с необходимостью обеспечения возможности установления истины по делу, обеспечения его нормального хода и обеспечения объективности полученных в итоге результатов.

«К общим относятся те условия, которые должны учитываться при применении любой меры пресечения и обуславливать выбор одной из них. Специальными являются те условия, которые в силу закона необходимы для применения конкретной меры пресечения, а также те, которые отражают правовые особенности избрания меры пресечения в отношении определенных категорий обвиняемых и подозреваемых. Их отсутствие препятствует применению определенной меры пресечения к конкретному обвиняемому (подозреваемому)» [6, с. 185] – пишет А.С. Барабаш.

Главную роль в ряду общих условий, играют обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, которые сформулированы в нормативных положениях ст. 99 УПК РФ: «тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства».

Их перечень не является закрытым, что, конечно же, верно и позволяет правоприменителю учесть максимальный в конкретной ситуации спектр условий, предопределяя объективную возможность должностного лица избрать действительно эффективную по своим превентивным возможностям меру пресечения конкретному лицу, не создавая излишних необоснованно жёстких правоограничений.

К числу иных обстоятельств можно относить максимально широкий спектр факторов, способных в какой-либо степени оказывать воздействие на должностное лицо, в контексте формирования у него вывода о возможности обеспечить правомерное поведения подозреваемого или обвиняемого с помощью назначения ему конкретной меры пресечения.

«Об избрании меры пресечения дознаватель, следователь или судья выносит постановление, а суд – определение» (ч. 1 ст. 101 УПК РФ).

Данные процессуальные документы, как это следует из общего представления об уголовно-процессуальных актах, следует рассматривать в виде необходимого юридического основания для применения меры пресечения при производстве по уголовному делу.

По итогам первой главы работы сформулируем следующие выводы.

Анализируемая область государственно-властных отношений связана с регулированием одной из самых острых сфер взаимодействия индивида и государства, поскольку именно здесь – в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, часто появляется необходимость ограничить со стороны государства ряд значимых конституционных прав личности.

В данном вопросе проявляется ведущая и исключительная роль суда, как гаранта законности и обоснованности правоограничений, связанных с конституционными свободами личности в уголовном процессе.

Именно суд обоснованно рассматривается законодателем в качестве того органа, который выступает гарантом законности и обоснованности вторжения в сферу гарантируемых Конституцией РФ благ при производстве по уголовным делам. Именно в досудебном производстве это особенно важно, с учётом того, что именно при расследовании преступления спектр репрессивных правомочий стороны обвинения является максимально широким, превалируя над правомочиями стороны защиты.

Можно сформулировать следующее определение мер пресечения: это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые субъектами, наделёнными властными полномочиями при наличии оснований и с учётом условий, установленных УПК РФ, к лицу, на которое направлено уголовное преследование с целью предотвращения его возможности скрыться от предварительного расследования или суда, предупреждения или пресечения его преступной деятельности, нейтрализации или устранения неправомерного противодействия производству по уголовному делу.

Для применения мер пресечения, ограничивающих конституционные права индивида, вовлечённого в сферу уголовно-процессуальных отношений, необходимы соответствующие основания и условия.

В качестве фактических оснований для избрания лицу, на которое направлено уголовное преследование, меры пресечения, выступают те доказательства, которые содержат в себе сведения о вероятном

противодействию производству по делу с его стороны, либо ином нежелательном поведении, примеры которого обозначены законодателем в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Для того же, чтобы субъект, наделённый властными полномочиями, избрал конкретную меру пресечения, необходимую и достаточную в конкретном случае, необходим учёт определённых условий, в качестве которых выступают обстоятельства, как обозначенные в УПК РФ, так и вытекающие из них, наличие которых обуславливает возможность и целесообразность применения мер пресечения.

Их перечень, конечно же, не является закрытым, что, представляется верным и позволяет правоприменителю учесть максимальный в конкретной ситуации спектр условий, предопределяя объективную возможность должностного лица избрать действительно эффективную по своим превентивным возможностям меру пресечения конкретному лицу, не создавая излишних необоснованно жёстких правоограничений.

Глава 2 Общая характеристика и особенности заключения под стражу как меры пресечения в уголовном процессе России

2.1 Место и роль заключения под стражу в системе мер пресечения

Предваряя анализ места и роли заключения под стражу в системе мер пресечения, прежде всего, необходимо отметить, что меры пресечения, как разновидность мер уголовно-процессуального принуждения, представляют собой единую систему мер, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, что отличает систему от простой совокупности.

Простая совокупность элементов не обладает внутренней целостностью и организационным единством, которые проявляются во взаимосвязях, взаимозависимостях и взаимообусловленности элементов системы. Сказанное в полной мере применимо к институту мер пресечения в уголовном процессе России.

Элементы такой системы – отдельные меры пресечения, сформулированы как разнопорядковые меры, имеющие отличный друг от друга правоограничительный потенциал, разные механизмы превентивного воздействия, оказываемого на лицо, на которое направлено уголовное преследование, но, при этом, направленные на достижение единой цели, применяемые к единым субъектам по общим для всех мер пресечения основаниям.

Системность мер пресечения в российском уголовном процессе проявляется также в возможности замены одной меры пресечения – другой мерой, в порядке, предусмотренном действующим УПК РФ, при наличии к тому предусмотренных законом предпосылок.

В частности, тогда, когда подозреваемым или обвиняемым была нарушена ранее избранная мера пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 108 УПК РФ), то есть, когда правоограничительный потенциал меры пресечения оказался недостаточным, для достижения цели применения меры пресечения, которая

следует из сформулированного нами ранее определения данного процессуального института.

Заключение под стражу по праву занимает одно из важнейших мест в системе мер пресечения главы 13 УПК РФ, выступая в качестве самой строгой по степени репрессивности мерой пресечения, учитывая порядок расположения мер пресечения в тексте ст. 98 УПК РФ и, соответственно, главе 13 УПК РФ в целом, предполагающий нарастание строгости от наименее строгой (подписка о невыезде и надлежащем поведении), до наиболее строгой меры пресечения, в качестве которой выступает, как уже было отмечено, заключение под стражу.

Наивысшая степень правоограничений анализируемой меры пресечения вряд ли может подвергаться какому-либо сомнению, поскольку характер её реализации в полной мере сопоставим с таким строгим видом уголовного наказания, предусмотренным действующим Уголовным кодексом Российской Федерации [50] (УК РФ), как лишение свободы на определённый срок (ст. 56 УК РФ).

Как правило, именно заключение под стражу выступает в качестве наиболее обсуждаемой меры, что связано с тем, что посредством её применения происходит наиболее жёсткое вторжение в сферу прав и свобод личности, гарантированных на конституционно-правовом уровне.

Непосредственной процессуальной регламентации заключения под стражу, как меры пресечения, посвящены ст. 108 и 109 УПК РФ.

Отдельные элементы процессуального регулирования присутствуют и в иных уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих вопросы регламентации мер уголовно-процессуального принуждения, правомочий участников уголовного судопроизводства (в особенности, обладающих властными полномочиями) и т.д.

Как верно указывается отдельными процессуалистами, «избрание данной меры допускается только по возбужденному уголовному делу, надлежащим субъектом (государственным органом или должностным лицом

в пределах своей компетенции), в отношении обвиняемого (в исключительных случаях – подозреваемого), при наличии предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований» [15, с. 69].

Как уже было ранее отмечено, любая из предусмотренных УПК РФ мер пресечения используется для достижения общей цели в виде обеспечения превентивного воздействия, следующего из определения данного института. Другими словами, такая цель состоит в обеспечении, в широком смысле, должного поведения подозреваемого или обвиняемого.

Другие цели, например, связанные с карательным воздействием, меры пресечения, априори, предусматривать не могут исходя из своей сущности.

Но отдельные авторы, например А.Д. Бойков, полагают, что «заключение под стражу является одним из средств пресечения преступлений и деморализации преступника и преступного сообщества» [11, с. 93] – другими словами, в качестве одной из цели усматривается оказание психологического давления на лицо, к которому данная мера применена, что не может быть признано обоснованным и соответствующим существующему на данном этапе регулированию.

Некоторые авторы в советский период выделяли в качестве цели применения заключения под стражу «ограждение общества от опасных лиц» [24, с. 104], что в современных реалиях демократического постсоветского российского уголовного процесса вызывает справедливую критику со стороны исследователей.

Тем не менее, такая цель может рассматриваться в качестве факультативного элемента целевой направленности заключения под стражу, ввиду того, что применение заключения под стражу физически исключает возможность обвиняемого (подозреваемого) продолжать преступную деятельность, а также осуществлять иные попытки противодействия полноценной уголовно-процессуальной деятельности со стороны субъектов, наделённых властными полномочиями.

По мнению И.М. Хапаева, «сущность заключения под стражу состоит в физической изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества, принуждении подчиняться требованиям режима в условиях специальных учреждений, иным правоограничениям. Тем самым данная мера наилучшим образом обеспечивает достижение одновременно всех целей применения мер пресечения, является неотъемлемым элементом в системе средств борьбы с деяниями, представляющими опасность для производства по уголовному делу» [52, с. 127].

С этим тезисом можно согласиться, но заключение под стражу нельзя рассматривать в качестве универсального превентивного средства воздействия, которое можно использовать когда угодно, предполагая его высокую эффективность и безотказность.

Правоограничение, связанное со свободой, обуславливают существенные негативные последствия для лица, на которое направлено уголовное преследование – это очевидно, исходя из превентивно-ограничительной сущности мер пресечения.

Эти негативные последствия имеют комплексный характер и включают в себя последствия личного, экономического, социального плана, что говорит о необходимости сдержанного и взвешенного подхода со стороны правоприменителя.

Для такого ограничения в демократическом правовом государстве должны быть серьёзные правовые основания, без которых применение заключения под стражу, при производстве по уголовным, делам рискует превратиться в произвол, не свойственный обозначенным на конституционно-правовом уровне основам.

Как верно подчёркивается исследователями, например, Ю.Р. Герешевским, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных законом целях и в установленном законом порядке. Ограничения прав и

свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей» [16, с. 20].

Одной из гарантий того, что заключение под стражу может быть применено обоснованно лишь в исключительном случае, является положение о правомерности избрания ареста лишь при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения, о чём законодатель говорит в ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Именно по этой причине, как полагает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая вопросы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока ее действия, «суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения в отношении лица иной, более мягкой, меры пресечения вне зависимости от наличия ходатайства об этом сторон, а также от стадии производства по уголовному делу» [42] (п. 3 Постановления).

Таким образом, и сам законодатель, и высшая судебная инстанция исходят из исключительности заключения под стражу и приоритета иных способов обеспечения превентивного воздействия.

Данный тезис ставит перед должностным лицом, производящим выбор конкретной меры пресечения для подозреваемого или обвиняемого, необходимость обращения к иным мерам пресечения, осуществлять первичный анализ возможности применения любой другой меры и лишь при невозможности такового выбора, инициировать применение заключения под стражу.

«Важно понимать, что только при максимально точном выборе меры пресечения можно говорить о позитивном результате ее использования, т.е. о воспрепятствовании противоправному поведению участника процесса и одновременно о применении необходимого уровня ограничения прав личности» [30, с. 15] – отмечается исследователями.

Поэтому следует признать правильным следующее суждение З.Д. Еникеева: «Эффективным считается такое влияние мер пресечения, которое удерживает привлекаемое к уголовной ответственности лицо от действий и поступков, противоречащих целям мер пресечения, и при этом уровень издержек не превышает допустимого предела» [20, с. 25].

Такое понимание эффективности применения мер пресечения и в современных реалиях соотносится с нормативной формулировкой назначения уголовного судопроизводства, содержащейся в ст. 6 УПК РФ, которая однозначно ориентирует правоприменителя в лице суда и субъектов уголовного преследования на реализацию, в первую очередь, «защитительной», а не «карательной» функции.

И.Л. Петрухин верно отмечает, что «нельзя сравнивать меры пресечения только по тому, в какой степени та или другая мера предотвращает нежелательное поведение обвиняемого. Необходимо пользоваться более широким понятием оптимальности мер пресечения, которое включает не только степень достижения целей, но и действительную потребность в избрании именно данной меры пресечения» [38 с. 90].

Таким образом, подводя промежуточный итог, можно сделать вывод о том, что заключение под стражу выступает в качестве наиболее строгой и исключительной по своему правоограничительному потенциалу мерой пресечения.

Данная мера состоит в принудительной физической изоляции лица, на которое направлено уголовное преследование, от общества и содержания его в специализированном учреждении, предполагающем режимность, ограничение свободы передвижения и иных прав.

В системе мер пресечения, заключение под стражу выступает альтернативой иным мерам пресечения в тех случаях, когда применение иной меры пресечения и достижения цели, которую преследует институт мер пресечения в российском уголовном процессе, является невозможным, или неэффективным.

2.2 Особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения

Заключение под стражу, как уже было ранее отмечено, закономерно занимает одно из важнейших мест в системе мер пресечения главы 13 УПК РФ, выступая в качестве самой строгой по степени репрессивности мерой пресечения, учитывая порядок расположения мер пресечения в тексте ст. 98 УПК РФ и, соответственно, главе 13 УПК РФ в целом.

Применение заключения под стражу имеет ряд особенностей, связанных с самим избранием и назначением, а также с непосредственной регламентацией сроков и порядка исполнения, так как правоограничения, связанные со свободой, обуславливают существенные негативные последствия для лица, на которое направлено уголовное преследование – это очевидно, исходя из превентивно-ограничительной сущности мер пресечения.

Учитывая исключительную строгость содержащихся в анализируемой мере пресечения ограничений, наличие особенностей применения закономерно и необходимо. Все они включены законодателем в содержание главы 13 УПК РФ, посвящённой анализируемому институту уголовно-процессуального права.

Как отмечается авторами одного из комментариев к действующему УПК РФ, «заключение под стражу внешне выражается в пребывании обвиняемого в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом: изоляторе временного содержания обвиняемых органов внутренних дел или пограничных органов федеральной службы безопасности. Местами заключения под стражу могут являться учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы, где могут содержаться осужденные, отбывающие наказание, обвиняемые в совершении другого преступления, а также гауптвахты – для военнослужащих» [33, с. 221].

Данный вывод основан на положении, закреплённом в ст. 7 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [51].

По общему правилу, заключение под стражу не может применяться по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести. Минимальное пороговое значение размера уголовного наказания в виде лишения свободы за совершение преступления, при котором возможно применение заключения под стражу – свыше 3 лет лишения свободы.

Но следует сделать вывод о невозможности основывать решение о возможности применения к лицу заключения под стражу лишь на тяжести инкриминируемого деяния, несмотря на то, что тяжесть инкриминируемого преступного деяния.

В отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, суд вправе избрать меру пресечения в виде заключения под стражу только в исключительных случаях, при условии, что имеется одно из обстоятельств, предусмотренных федеральным законодателем в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Важно подчеркнуть, что такие условия дополняют перечень общих оснований применения мер пресечения, который обозначен в тексте ст. 97 УПК РФ, а значит, условия, предусмотренные в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ не должны подменять собой общие основания из ст. 97 УПК РФ, а применяться вместе с ними.

«Положения УПК, определяющие общие основания для избрания всех мер пресечения, предполагают соблюдение условий назначения конкретной меры пресечения, закрепленных специальными нормами УПК. В частности, должно соблюдаться правило, устанавливающее, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений, если они

совершены в сфере предпринимательской деятельности» [35] – указывает Конституционный Суд РФ в своём Определении.

Законом установлен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений, прямо указанных в тексте ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и связанных с предпринимательской деятельностью в том случае, когда отсутствуют обстоятельства, указанные в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Тем самым, законодатель создаёт дополнительные гарантии стабильности экономики и эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, участвующих в гражданско-правовом обороте.

То есть, относительно подозрения или обвинения лица в совершении деяний, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, указанными в вышеназванной уголовно-процессуальной норме, «суд должен выяснить, в какой сфере деятельности совершено преступление» [18, с. 68].

В то же время, если лицо подозревается или обвиняется в совершении не только преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, но и по совокупности с ним другого преступления, предусмотренного иной статьей Особенной части УК РФ и не исключающего применение заключения под стражу, суд вправе при наличии к тому оснований избрать эту меру пресечения.

Ст. 108 УПК РФ содержит ограничения, связанные с возможностью применения заключения под стражу к лицам, не достигшим возраста совершеннолетия, создавая тем самым дополнительные условия для обеспечения интересов подрастающего поколения, лишённого того объёма осознанности и тех сформированных социальных основ, которые имеют взрослые.

Действительно, несовершеннолетний возраст лица, диктует необходимость учёта физической, психической и социальной незрелости личности и её уязвимости, по сравнению с лицами, достигшими

совершеннолетия. Именно в отношении несовершеннолетних государство должно применять наиболее гибкий и гуманный подход.

В этой связи, законодатель чётко устанавливает, что «к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести» (ч. 2 ст. 108 УПК РФ).

При этом, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [42], «суду надлежит учитывать положения части 6 статьи 88 УК РФ, по смыслу которой заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые» (п. 10 Постановления).

Правом возбуждения перед судом ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу наделен следователь с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора. Это ходатайство должно быть согласовано с надлежащим должностным лицом. Если согласие на заявление ходатайства дано иным лицом, судья возвращает его без рассмотрения. Возвращение по этой причине материалов не препятствует последующему внесению ходатайства в суд после устранения допущенного нарушения.

Так как данная мера состоит в принудительной физической изоляции лица, на которое направлено уголовное преследование, от общества и содержании его в специализированном учреждении, предполагающем режимность, ограничение свободы передвижения и иных прав, по общему правилу содержание под стражей при расследовании преступлений не может

превышать два месяца (с ориентиром на номинальный, базовый срок предварительного расследования в форме предварительного следствия, который определён в УПК РФ).

Дальнейшее продление срока содержания под стражей на стадиях досудебного производства по уголовному делу возможно в случаях и порядке, предусмотренном ст. 109 УПК РФ.

Порядок продления судом действия данной меры пресечения на срок свыше 12 месяцев в каждом случае обусловлен дополнительными условиями и требованиями, свидетельствующими об исключительности обстоятельств, влекущих такую необходимость, что является правильным и направлено на создание дополнительных гарантий от необоснованного и беспрепятственного продления содержания под стражей лиц, которых суд не признал виновными в совершении преступлений.

Максимальный срок содержания под стражей – 18 месяцев и данный срок, в соответствии с ч. 4 ст. 109 УПК РФ не может продляться на законных условиях. Тем не менее, законодатель предусмотрел исключительные ситуации, требующие дальнейшего продления, указанные в данной статье. В частности, в целях обеспечения реализации прав обвиняемого – в целях ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела (п. 1 ч. 8 ст. 109 УПК РФ) и т.д.

В срок содержания под стражей засчитывается время: на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; домашнего ареста; принудительного нахождения в медицинских организациях, оказывающих медицинскую или психиатрическую помощь в стационарных условиях, по решению суда.

«В срок содержания под стражей засчитывается также время, в течение которого лицо содержалось под стражей на территории иностранного государства по запросу об оказании правовой помощи или о выдаче его Российской Федерации в соответствии со ст. 460 УПК. В этом случае по истечении предельных сроков содержания под стражей и при необходимости

производства предварительного расследования суд вправе продлить срок содержания лица под стражей, но не более чем на шесть месяцев» [8, с. 329] – пишет Б.Т. Безлепкин.

Заключение под стражу по характеру производимой на законодательном уровне регламентации, является, пожалуй, самой детализированной, что вполне понятно, так как строгость данной меры столь высока, что любая двоякость толкования, нормативная недосказанность, способны привести к процессуальным нарушениям, влекущим незаконность и необоснованность выносимых процессуальных решений как на этапе предварительного расследования, так и непосредственно в суде.

Основным гарантом законности соблюдения всех необходимых процедур, связанных с заключением под стражу, является суд, наделённый государством исключительными полномочиями, направленными на обеспечение законности в сфере уголовного судопроизводства.

В этой связи, принятие 19.12.2013 г. нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [42] стало очередным подтверждением того, что государство заинтересовано в налаживании законного и обоснованного применения наиболее строгих мер пресечения, основанных на взвешенном научно-практическом подходе высшей судебной инстанции.

Регулирование деятельности властных субъектов в вопросе применения мер процессуального принуждения, должна строиться на соблюдении прав и свобод личности, вовлекаемой в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

Можно резюмировать необходимость продолжения поступательного совершенствования уголовно-процессуального регулирования, а также правоприменения, связанного с такой мерой пресечения, как заключение под стражу.

Это особенно важно в контексте той репрессивности, которая неразрывно связана с анализируемой мерой пресечения и вытекает из её правоограничительной сущности.

Также важна постепенная смена существующего вектора в правоприменительной практике, который состоит в активном применении заключения под стражу. Как представляется, необходимо продолжать создание предпосылок для применения иных мер пресечения из существующей системы, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее гуманного отношения к личности и применения к лицу только того объёма правоограничений, который будет достаточным и эффективным.

В заключении второй главы работы сформулируем следующие выводы.

Меры пресечения представляют собой единую систему мер, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, что отличает систему от простой совокупности.

Элементы такой системы – отдельные меры пресечения, сформулированы как разнопорядковые меры, имеющие отличный друг от друга правоограничительный потенциал, разные механизмы превентивного воздействия, оказываемого на лицо, на которое направлено уголовное преследование, но, при этом, направленные на достижение единой цели, применяемые к единым субъектам по общим для всех мер пресечения основаниям.

Заключение под стражу по праву занимает одно из важнейших мест в системе мер пресечения главы 13 УПК РФ, выступая в качестве самой строгой по степени репрессивности мерой пресечения, учитывая порядок расположения мер пресечения в тексте ст. 98 УПК РФ и, соответственно, главе 13 УПК РФ в целом.

Как правило, именно заключение под стражу выступает в качестве наиболее обсуждаемой меры, что связано с тем, что посредством её применения происходит наиболее жёсткое вторжение в сферу прав и свобод

личности, гарантированных на конституционно-правовом уровне, что приводит к обоснованному выводу о том, что данная мера обладает исключительным, по своему принудительному правоограничительному свойству, потенциалом.

Данный тезис ставит перед должностным лицом, производящим выбор конкретной меры пресечения для подозреваемого или обвиняемого, необходимость обращения к иным мерам пресечения, осуществлять первичный анализ возможности применения любой другой меры и лишь при невозможности такового выбора, инициировать применение заключения под стражу.

В системе мер пресечения, заключение под стражу выступает альтернативой иным мерам пресечения в тех случаях, когда применение иной меры пресечения и достижения цели, которую преследует институт мер пресечения в российском уголовном процессе, является невозможным, или неэффективным.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу предполагает определённые процессуальные особенности, закреплённые в нормах главы 13 УПК РФ. Данные особенности продиктованы необходимостью создания гарантий защиты прав и свобод личности, вовлечённой в уголовно-процессуальную деятельность.

В частности, законом установлен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений, прямо указанных в тексте ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и связанных с предпринимательской деятельностью, при отсутствии дополнительных обстоятельств, создающих необходимость применения заключения под стражу.

Тем самым, законодатель создаёт дополнительные гарантии стабильности экономики и эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, участвующих в гражданско-правовом обороте.

Ст. 108 УПК РФ содержит ограничения, связанные с возможностью применения заключения под стражу к лицам, не достигшим возраста совершеннолетия, создавая тем самым дополнительные условия для обеспечения интересов подрастающего поколения, лишённого того объёма осознанности и тех сформированных социальных основ, которые имеют взрослые и т.д.

Таким образом государством создаётся необходимый баланс в соотношении защиты прав и свобод личности и необходимости достижения назначения уголовного судопроизводства, сопряжённого с применением государственного принуждения.

Можно следует отметить важность постепенной смены существующего вектора в правоприменительной практике, который состоит в активном применении заключения под стражу. Как представляется, необходимо продолжать создание предпосылок для применения иных мер пресечения из существующей системы, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее гуманного отношения к личности и применения к лицу только того объёма правоограничений, который будет достаточным и эффективным.

Глава 3 Проблемы процессуальной регламентации и практики применения заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России

3.1 Проблемы процессуальной регламентации заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России

Проблематика непосредственной уголовно-процессуальной регламентации заключения под стражу имеет разноплановый характер, что находит своё отражение в многочисленных научных публикациях.

Характеризуя проблемы процессуальной регламентации заключения под стражу, необходимо отметить, что существующее уголовно-процессуальное регулирование мер пресечения в общем и заключения под стражу в частности, произведено законодателем достаточно содержательно, учитывая множество изменений, внесённых в главу 13 УПК РФ за последние годы. Данными изменениями были детализированы многие положения, касающиеся процессуального порядка избрания мер пресечения, а также расширен «арсенал» мер пресечения, посредством дополнения существующей системы новой мерой в виде запрета определённых действий.

Нормативная регламентация заключения под стражу в действующем УПК РФ отличалась и отличается достаточной содержательностью, но в науке продолжают дискуссии и высказывается критика в адрес законодателя.

В настоящее время, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, как уже было ранее указано, содержится достаточно краткое общее нормативное условие применения заключения под стражу:

- лицо должно подозреваться или обвиняться в совершении преступления, максимальный размер уголовного наказания в виде лишения свободы за которое больше 3 лет;
- отсутствует возможность применения иной, более мягкой меры пресечения.

Однако, в науке подобная краткость со стороны законодателя вызывает критику.

Н.В. Русаленко и Л.Е. Сухова считают, что «такого критерия явно недостаточно для избрания рассматриваемой меры пресечения. Преступления можно поделить не только по категориям, но и по форме вины. Исходя из этого очевидно, общественная опасность лица, совершившего преступление по неосторожности, в несколько раз меньше, нежели общественная опасность лица, совершившего преступление с прямым умыслом» [46, с. 277].

Доводы специалистов вполне обоснованы. Кроме того, применительно к преступлению, совершённому по неосторожности, вряд ли уместно говорить о таком основании применения меры пресечения, как «может продолжить заниматься преступной деятельностью» (п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Законодателем также не учтён характер инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и направленность совершённого преступления, что также имеет слабую и не всегда очевидную связь с тяжестью совершённого преступления.

Таким образом, представляется необходимым включить в ч. 1 ст. 108 УПК РФ дополнительные критерии, обуславливающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Также в науке обращают внимание на ряд проблем, связанных с нормативной регламентацией избранием меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.

В соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ «к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести».

В ч. 1 ст. 108 УПК РФ не содержится ссылки на то, должны ли учитываться при подготовке ходатайства об избрании меры пресечения дополнительные условия, к примеру, отсутствие у несовершеннолетнего лица постоянного места жительства, для того, чтобы ходатайство следователя или дознавателя обрело дополнительную обоснованность.

Как верно отмечает А.В. Антонова, «уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних, а также применение к ним мер уголовно-процессуального принуждения имеет ряд специфичных черт, проявляющихся в закреплении дополнительных гарантий, обеспечивающих повышенную защиту данного субъекта уголовного процесса» [1, с. 272].

Однако, по мнению других специалистов, «при анализе ч. 2 ст. 108 УПК, необходимо сделать неутешительный вывод о том, что несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые в совершении уголовных преступлений оказались в более тяжком положении, нежели совершеннолетние лица. Часть 2 ст. 108 УПК предусматривает, что исключительность случаев в отношении несовершеннолетних лиц определяется не законом, а должностными лицами» [14, с. 167].

Получается, что каждый раз, возбуждая перед судом соответствующее ходатайство о применении к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, следователю или дознавателю, необходимо полагаться лишь на личное субъективное понимание об исключительности конкретных обстоятельств. Но что именно следует понимать под исключительными случаями? Какие обстоятельства следует учитывать следователю?

В науке в качестве таковых называют: «наличие судимости, направленность умысла, дерзость и агрессивность преступных действий, последствия преступлений, наличие связей с криминальной средой, условия жизни и воспитания, особенности личности несовершеннолетнего, его отношение к содеянному и последующее поведение и т.д.» [53, с. 14]

По мнению С.В. Тетюева, такими исключительными обстоятельствами можно считать следующие: «преступление носит групповой характер и ведущую роль в нем играет несовершеннолетний обвиняемый; лицо уже неоднократно совершало преступления; отсутствие родителей, постоянного места жительства, вследствие чего велика вероятность того, что обвиняемый скроется; установлены факты воспрепятствования производству по делу» [47, с. 21].

Подобные точки зрения, в целом, видятся верными, что обуславливает необходимость законодательной корректировки.

Для решения обозначенной проблемы представляется целесообразным усовершенствовать процессуальную регламентацию процедуры избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, а именно: конкретизировать обстоятельства, квалифицируемые при избрании заключения под стражу несовершеннолетнему, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести, как «исключительные».

Таким образом, резюмируя сказанное, следует отметить, что под исключительными случаями избрания в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу можно понимать: наличие судимости за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление; совершение нескольких преступлений, за которые предусмотрены наказания в виде лишения свободы, а также в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Есть мнение, высказываемое в науке о том, что сама процедура судебного санкционирования применения к лицу заключения под стражу, в определённой мере, предрешает вопрос о его виновности данного лица: «по крайней мере на психологическом уровне» [22, с. 167] – полагает Н.П. Кириллова.

Решение данной проблемы отдельные специалисты, видят разведении компетенции судей. Речь идёт о разграничении компетенции судей при осуществлении судебного контроля и разрешения дела по существу с выделением отдельной категории судей, которых специалисты, поддерживающие данное нововведение именуют «следственными судьями».

Подобные идеи высказываются на протяжении последних десяти лет, но подобный институт, к сожалению, так и не был реализован в нормах уголовно-процессуального законодательства.

Как указывается в литературе, «выделение части представителей судейского корпуса, на которую был бы возложен судебный контроль и которая была бы освобождена от рассмотрения уголовных дел по первой инстанции, является целесообразным, однако для этого следует решить организационные вопросы штатной численности судов» [23, с. 189].

Как представляется, данная новация могла бы положительным образом сказаться на обеспечении законности в досудебном производстве, поскольку позволит усилить оперативный судебный контроль за законностью и обоснованностью применения мер пресечения, вторгающихся в сферу конституционных прав и свобод личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальную деятельность в качестве лица, на которого направлено уголовное преследование.

Подобная точка зрения озвучивалась Н.Н. Ковтуном [25, с. 41] больше десяти лет назад, и продолжает поддерживаться в современных публикациях – например, А.А. Поддубняком и Д.С. Аблаевой [39, с. 182].

Также в науке констатируется, что «законодательное регулирование судебного заседания, в котором рассматривается и разрешается ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в отличие от регулирования стадии судебного разбирательства, достаточно схематично. Возможность допроса потерпевших и свидетелей в качестве способа проверки обоснованности подозрения прямо законом не предусмотрена, поэтому суды с осторожностью подходят к

возможности удовлетворения ходатайств защиты о допросе этих участников процесса» [54, с. 30].

Как представляется, рассмотрение ходатайства следователя путем непосредственного исследования доказательств судом может повысить эффективность судебного контроля.

3.2 Проблемы, связанные с практикой применения заключения под стражу, как меры пресечения в уголовном процессе России

С учётом того, что единственным органом, которому в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а также п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ адресовано полномочие применить к подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения, является суд, основные проблемы, связанные с применением предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка, имеют место на этапе рассмотрения и разрешения судом ходатайства о заключении под стражу.

Думается, что роль суда в уголовно-процессуальной деятельности в демократическом государстве должна лишь возрастать, благодаря соответствующему развитию правоприменительных процедур как в досудебном, так и в судебном производстве.

Важным аспектом, связанным с возможностью применения любой меры пресечения, включая заключение под стражу, является наличие сведений, подтверждающих, что подозреваемый или обвиняемый совершит одно из нежелательных для государства действий, предусмотренных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, тем самым создав препятствия производству по расследуемому уголовному делу.

В противном случае, основания для применения меры пресечения не будет – обязанности, в любом случае, применить к лицу одну из мер пресечения лишь на том основании, что в деле появился субъект, на которого направлено уголовное преследование, УПК РФ не предусматривает.

Особенно ярко необходимость установления обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, проявляется при разрешении ходатайства о заключении под стражу.

Например, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Д., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, Центральный районный суд г. Тольятти Самарской области в постановлении от 60.01.2015 г. вывод о том, что Д. скроется от предварительного следствия и может продолжить заниматься преступной деятельностью, обосновал «характером преступных проявлений» и «данными о личности» подозреваемого, не указав при этом в описательно-мотивировочной части постановления каких-либо сведений о личности Д.

«Апелляционным постановлением Самарского областного суда от 21.01.2015 г. вышеназванное постановление Центрального районного суда г. Тольятти было отменено в связи с тем, что тяжесть преступления, в совершении которого подозревается Д., сама по себе не может служить основанием для избрания столь суровой меры пресечения. Каких-либо достоверных данных о том, что подозреваемый Д. скроется от следствия и суда, может воспрепятствовать производству по делу и продолжить заниматься преступной деятельностью, в представленных материалах не имеется» [4].

Необходимым условием применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого является обоснованное подозрение лица в причастности его к преступлению, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только при обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, что обязательно должно быть учтено судом.

Данное положение, обязывающее выявлять обоснованность подозрения в совершении преступления, основано, в том числе, на международном

правовом регулировании – в частности, подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. [27]

«Удовлетворение ходатайства о заключении лица под стражу в качестве меры пресечения может быть законным лишь при наличии достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения лица. Так, Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21.09.2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению» [40].

При этом, необходимо учесть, что причастность лица к совершённомu преступлению должна найти своё подтверждение в соответствующих данных, которые нельзя отождествлять с данными, подтверждающими событие преступления и входящие в предмет доказывания по уголовному делу.

Так, «Постановлением Советского районного суда г. Казани от 09.11.2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 219, ч. 2 ст. 201, ч. 1 ст. 327, ч. 3 ст. 238 УК РФ. Уголовное дело в отношении группы лиц, в том числе С., было возбуждено в связи с пожаром в принадлежащем этой организации здании торгового комплекса. Принятое решение суд мотивировал тем, что в качестве доказательств обоснованности подозрения в причастности С. к инкриминируемым ему преступлениям суду представлены копии допросов свидетелей и документы, свидетельствующие только о факте пожара в результате нарушения норм пожарной безопасности,

однако не представлены данные, подтверждающие причастность С. к совершённомu преступлению» [43].

Также необходимо подчеркнуть необходимость исследования сведений, подтверждающих причастность лица к совершению преступления непосредственно в судебном заседании.

Отсутствие такого анализа, равно, как и отсутствие ссылки на подтверждающие сведения в судебном постановлении, являются существенным нарушением процедуры.

Подобные ошибки не редко устраняются вышестоящими судами.

Например, «Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, принимая 09.04.2015 г. решение о заключении под стражу В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения В. При этом суд не указал, какие материалы позволили прийти к такому выводу. 28.04.2015 г. Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке отменил постановление, так как установил, что согласно протоколу судебного заседания, в судебном заседании какие-либо материалы не исследовались» [34].

Также немаловажным является один из существенных аспектов разграничения судебного постановления, в рамках которого разрешается вопрос о возможности применения к лицу заключения под стражу и обвинительного приговора, в котором происходит констатация виновности (а не предполагаемой причастности) в совершении инкриминируемого преступления.

В этой связи является недопустимым использование судом, при разрешении ходатайства о применении к лицу заключения под стражу в качестве меры пресечения формулировок, свидетельствующих о некоем предположении о его виновности – должна лишь производиться проверка

оснований для заключения лица, на которое направлено уголовное преследование, под стражу.

Отдельные исследователи [36, с. 33], проводя анализ правоприменительной практики, указывают на то, что в отдельных постановлениях встречаются такие формулировки, как: «жестокость, с которой подозреваемый или обвиняемый совершил преступление», «судимости, при наличии которых он совершил новое преступление» и т.д.

Подобные судебные ошибки также подлежат устранению в суде апелляционной инстанции. Оптимальным вариантом представляется отмена соответствующего судебного постановления, предрешающего вопрос о виновности лица, как противоречащий базовым принципам российского уголовного судопроизводства (принципу законности, принципу презумпции невиновности и т.д.)

Тем не менее, в правоприменении на современном этапе можно обнаружить и совершенно иной подход.

Так, апелляционным постановлением Брянского областного суда от 30.01.2015 г. отменено постановление Почепского районного суда от 20.01.2015 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, так как суд сослался на характер и жестокость, с которой Б. «совершил» преступление. Рассмотрев ходатайство по существу, суд апелляционной инстанции принял новое решение об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу [2].

Как представляется, описанное выше допущенное судом нарушение принципов уголовного судопроизводства нельзя считать «технической ошибкой», которую можно устранить редакционным путём.

Следует сделать вывод о невозможности основывать решение о возможности применения к лицу заключения под стражу лишь на тяжести инкриминируемого деяния, несмотря на то, что тяжесть инкриминируемого преступного деяния, как было указано в предыдущей главе, при анализе

особенностей применения заключения под стражу, регламентированных уголовно-процессуальным законом, выступает лишь одним из аспектов, учитываемых при удовлетворении судом такого ходатайства.

«Однако сама по себе тяжесть преступления не может являться единственным и достаточным основанием для заключения под стражу» [48, с. 33] – пишут отдельные авторы.

Всякий раз, при рассмотрении соответствующего ходатайства, суд должен рассмотреть возможность применения иной, более мягкой меры пресечения.

Так, например, Устиновский районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики 02.03.2015 г. отказал в заключении под стражу А., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, сославшись на отсутствие доказательств того, что в отношении А. не может быть избрана иная, более мягкая, мера пресечения. Приняв во внимание данные о личности обвиняемого, который ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работы, где характеризуется положительно, суд избрал в отношении А. домашний арест [44].

Если же суд считает, что иная мера пресечения, помимо заключения под стражу, не может быть применена, он в обязательном порядке должен отразить те обстоятельства, которые создают данные препятствия – таким образом соответствующее постановление обретает необходимую обоснованность.

Суд, сочтя невозможным удовлетворение ходатайства о заключении под стражу, правомочен применить к обвиняемому любую другую меру пресечения – в том числе ту, которая может быть применена следователем или дознавателем самостоятельно, в рамках производства расследования.

Так, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16.01.2015 г. мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная 29.12.2014 г. Усть-Алданским районным судом в отношении Б., 1993 года рождения, подозреваемого в совершении преступлений,

предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изменена на подписку о невыезде [3].

В данном апелляционном постановлении в качестве обоснования такого решения, было обозначено, что суд первой инстанции, при рассмотрении ходатайства следователя, не дал соответствующую оценку комплексу сведений, положительно характеризующему личность подозреваемого, а также признание последним своей вины в инкриминируемом деянии.

Следует также отметить, что проблемы, связанные с практикой применения заключения под стражу, всё же, не сводятся исключительно к судебным ошибкам – первопричиной допущенных ошибок на этапе рассмотрения и разрешения судами соответствующих ходатайств выступает низкое качество самих ходатайств, подготовленных должностными лицами, осуществляющими расследование уголовных дел – следователями и дознавателями.

В ряде случаев имеет место представление неполных либо недостоверных сведений о личности лица, на которое направлено уголовное преследование, подозреваемого, обвиняемого; отсутствие указания на обстоятельства, указывающие, что лицо может совершить нежелательные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ и т.д.

В литературе указывается, что «зачастую в ходатайствах отсутствуют основания для избрания меры пресечения для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, указанные в статье УПК РФ, применительно к данному уголовному делу и к данному лицу» [9, с. 22].

Так Президиум Верховного Суда РФ констатирует, что «неединичны случаи нарушения органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ (не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания)» [34].

Также стоит отметить, что в правоприменительной практике не всегда принимаются во внимание положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, препятствующие применению заключения под стражу к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении ряда преступлений, связанных с предпринимательской деятельностью в том случае, когда отсутствуют обстоятельства, указанные в п.п. 1-4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Несмотря на наличие соответствующего разъяснения, сделанного на уровне Пленума Верховного Суда РФ (п. 7 Постановления от 19.12.2013 г. № 41 [42] и п. 7 Постановления от 15.11.2016 г. № 48 [41]), органами предварительного расследования они далеко не всегда учитываются, что приводит к необоснованному удовлетворению судами ходатайств о заключении под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Так, апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 16.12.2015 г. отменено постановление Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25.11.2015 г. о заключении под стражу П., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, на том основании, что указанное преступление входит в перечень преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, заключение под стражу за которые допускается только при наличии обстоятельств, указанных в п. 1 – 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, но ни одного из таких обстоятельств в отношении П. установлено не было [5].

Подводя итог, следует сделать вывод о наличии ряда проблем, связанных с практикой применения меры пресечения в виде заключения под стражу, которые связаны с как с ошибочным толкованием процессуальных норм, регламентирующих такой порядок, так и с неприменением отдельных положений уголовно-процессуального закона.

Подобные процессуальные нарушения влекут вынесение необоснованных, а, следовательно – незаконных судебных актов. В большинстве случаев происходит нарушение права лица, к которому

заключение под стражу применяется в нарушение существующего порядка, а в ряде случаев, когда заключение под стражу не применяется при наличии к тому оснований, вред причиняется интересам общества, поскольку создаёт предпосылки для создания со стороны подозреваемого или обвиняемого препятствий нормальному ходу и результатам расследования.

Инструментом преодоления подобных нарушений является усиление ведомственного контроля, а также обжалование незаконных и необоснованных судебных актов, когда суд вышестоящей инстанции отменяет необоснованное решение суда нижестоящей инстанции, разрешающего ходатайство о заключении под стражу, что отводит важную роль в данном вопросе качественной работе адвоката-защитника, на что обращается внимание в литературе [7, с. 123].

Также следует отметить необходимость общего повышения профессионального уровня подготовки должностных лиц правоохранительной системы, что является отдельной проблемой, связанной с кадровым составом правоохранительных органов Российской Федерации.

Профессиональная подготовка кадров в системе различных правоохранительных ведомств это организованный и целенаправленный процесс овладения и постоянного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на правоохранительные органы Российской Федерации.

На переднем плане такой работы должна находиться выработка и постоянное совершенствование у сотрудников практических умений и навыков применения мер государственного принуждения с соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и прав человека.

Особое значение обеспечение необходимого профессионального уровня предопределяется именно в уголовно-процессуальном производстве по уголовным делам, где от каждого процессуального решения зависит судьба конкретного индивида.

В заключении третьей главы работы сделаем следующие выводы.

Существующее уголовно-процессуальное регулирование мер пресечения в общем и заключения под стражу в частности, произведено законодателем достаточно содержательно, учитывая множество изменений, внесённых в главу 13 УПК РФ за последние годы. Данными изменениями были детализированы многие положения, касающиеся процессуального порядка избрания мер пресечения, а также расширен «арсенал» мер пресечения, посредством дополнения существующей системы новой мерой в виде запрета определённых действий.

Нормативная регламентация заключения под стражу в действующем УПК РФ отличалась и отличается достаточной содержательностью, но в науке продолжают дискуссии и высказывается критика в адрес законодателя.

К сожалению, законодателем, в числе критериев, обуславливающих применение заключения под стражу, не учтён характер инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и направленность совершённого преступления, что также имеет слабую и не всегда очевидную связь с тяжестью совершённого преступления.

Таким образом, представляется необходимым включить в ч. 1 ст. 108 УПК РФ дополнительные критерии, обуславливающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Избрание заключения под стражу, применительно к несовершеннолетним также регламентировано недостаточно хорошо. В частности, законодатель не конкретизировал, какие именно обстоятельства, образуют исключительную ситуацию, позволяющую правоприменителю избрать заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего лица – данный вопрос оставлен на усмотрение должностного лица, обладающего властными полномочиями.

Для решения обозначенной проблемы представляется целесообразным усовершенствовать процессуальную регламентацию процедуры избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, а именно:

конкретизировать обстоятельства, квалифицируемые при избрании заключения под стражу несовершеннолетнему, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести, как «исключительные».

Таким образом, резюмируя сказанное, следует отметить, что под исключительными случаями избрания в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу можно понимать: наличие судимости за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление; совершение нескольких преступлений, за которые предусмотрены наказания в виде лишения свободы, а также в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Есть мнение, высказываемое в науке о том, что сама процедура судебного санкционирования применения к лицу заключения под стражу, в определённой мере, предрешает вопрос о его виновности данного лица.

Решение данной проблемы отдельные специалисты, видят разведении компетенции судей – одни судьи рассматривают и разрешают дела по существу, а другие – осуществляют полномочия, связанные с осуществлением оперативного судебного контроля.

Также учёные критикуют достаточно формальную и поверхностную детализацию процедуры рассмотрения и разрешения судом ходатайства о заключении под стражу подозреваемого (обвиняемого). В частности, законодатель не конкретизировал возможность непосредственного допроса судом участников уголовного судопроизводства в целях проверки обоснованности подозрения.

Как представляется, такая процессуальная возможность способна преодолеть формальный подход в разрешении ходатайств о заключении под стражу и повысить эффективность судебного контроля в указанном направлении.

С учётом того, что единственным органом, которому в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а также п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ адресовано полномочие применить к подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения, является суд, основные проблемы, связанные с применением предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка, имеют место на этапе рассмотрения и разрешения судом ходатайства о заключении под стражу.

Следует обратить внимание на необходимость учёта следующих моментов при рассмотрении и разрешении судом ходатайств о заключении под стражу подозреваемых или обвиняемых.

Так, необходимо устанавливать обоснованность подозрения лица, в отношении которого рассматривается ходатайство о заключении под стражу, в совершении преступного деяния.

Также необходимо подчеркнуть необходимость исследования сведений, подтверждающих причастность лица к совершению преступления непосредственно в судебном заседании. Отсутствие такого анализа, равно, как и отсутствие ссылки на подтверждающие сведения в судебном постановлении, являются существенным нарушением процедуры.

Также немаловажным является один из существенных аспектов разграничения судебного постановления, в рамках которого разрешается вопрос о возможности применения к лицу заключения под стражу и обвинительного приговора, в котором происходит констатация виновности (а не предполагаемой причастности) в совершении инкриминируемого преступления. В этой связи является недопустимым использование судом, при разрешении ходатайства о применении к лицу заключения под стражу в качестве меры пресечения формулировок, свидетельствующих о некоем предрешении вопрос о его виновности – должна лишь производиться наличие оснований для заключения лица, на которое направлено уголовное преследование, под стражу.

Подобные судебные ошибки также подлежат устранению в суде апелляционной инстанции. Оптимальным вариантом представляется отмена соответствующего судебного постановления, предreshающего вопрос о виновности лица, как противоречащий базовым принципам российского уголовного судопроизводства (принципу законности, принципу презумпции невиновности и т.д.)

Допущенное судом нарушение принципов уголовного судопроизводства нельзя считать «технической ошибкой», которую можно устранить редакционным путём.

Следует сделать вывод о невозможности основывать решение о возможности применения к лицу заключения под стражу лишь на тяжести инкриминируемого деяния, несмотря на то, что тяжесть инкриминируемого преступного деяния выступает лишь одним из аспектов, учитываемых при удовлетворении судом такого ходатайства.

Если суд считает, что иная мера пресечения, помимо заключения под стражу, не может быть применена, он в обязательном порядке должен отразить те обстоятельства, которые создают данные препятствия – таким образом соответствующее постановление обретает необходимую обоснованность.

Следует также отметить, что проблемы, связанные с практикой применения заключения под стражу, всё же, не сводятся исключительно к судебным ошибкам – первопричиной допущенных ошибок на этапе рассмотрения и разрешения судами соответствующих ходатайств выступает низкое качество самих ходатайств, подготовленных должностными лицами, осуществляющими расследование уголовных дел – следователями и дознавателями.

В ряде случаев имеет место представление неполных либо недостоверных сведений о личности лица, на которое направлено уголовное преследование, подозреваемого, обвиняемого; отсутствие указания на обстоятельства, указывающие, что лицо может совершить нежелательные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ и т.д.

Подобные процессуальные нарушения влекут вынесение необоснованных, а, следовательно – незаконных судебных актов. В большинстве случаев происходит нарушение права лица, к которому заключение под стражу применяется в нарушение существующего порядка, а в ряде случаев, когда заключение под стражу не применяется при наличии к тому оснований, вред причиняется интересам общества, поскольку создаёт предпосылки для создания со стороны подозреваемого или обвиняемого препятствий нормальному ходу и результатам расследования.

Инструментом преодоления подобных нарушений является усиление ведомственного контроля, а также обжалование незаконных и необоснованных судебных актов, когда суд вышестоящей инстанции отменяет необоснованное решение суда нижестоящей инстанции, разрешающего ходатайство о заключении под стражу, что отводит важную роль в данном вопросе качественной работе адвоката-защитника.

Заключение

Проведённая работа позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование существующего нормативного регулирования по теме исследования.

Анализируемая область государственно-властных отношений связана с регулированием одной из самых острых сфер взаимодействия индивида и государства, поскольку именно здесь – в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, часто появляется необходимость ограничить со стороны государства ряд значимых конституционных прав личности.

Ведущая роль в контроле за законностью и обоснованностью применения мер принуждения отведена суду. Именно суд обладает максимальными в данном контексте полномочиями, имея возможность назначить самые строгие, из имеющихся в главе 13 УПК РФ, меры пресечения. В данном вопросе проявляется ведущая и исключительная роль суда, как гаранта законности и обоснованности правоограничений, связанных с конституционными свободами личности в уголовном процессе.

Именно суд обоснованно рассматривается законодателем в качестве того органа, который выступает гарантом законности и обоснованности вторжения в сферу гарантируемых Конституцией РФ благ при производстве по уголовным делам. Именно в досудебном производстве это особенно важно, с учётом того, что именно при расследовании преступления спектр репрессивных правомочий стороны обвинения является максимально широким, превалируя над правомочиями стороны защиты.

Можно сформулировать следующее определение мер пресечения: это меры уголовно-процессуального принуждения, применяемые субъектами, наделёнными властными полномочиями при наличии оснований и с учётом условий, установленных УПК РФ, к лицу, на которое направлено уголовное преследование с целью предотвращения его возможности скрыться от предварительного расследования или суда, предупреждения или пресечения

его преступной деятельности, нейтрализации или устранения неправомерного противодействия производству по уголовному делу.

Для применения мер пресечения, ограничивающих конституционные права индивида, вовлечённого в сферу уголовно-процессуальных отношений, необходимы соответствующие основания и условия.

В качестве фактических оснований для избрания лицу, на которое направлено уголовное преследование, меры пресечения, выступают те доказательства, которые содержат в себе сведения о вероятном противодействии производству по делу с его стороны, либо ином нежелательном поведении, примеры которого обозначены законодателем в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Для того же, чтобы субъект, наделённый властными полномочиями, избрал конкретную меру пресечения, необходимую и достаточную в конкретном случае, необходим учёт определённых условий, в качестве которых выступают обстоятельства, как обозначенные в УПК РФ, так и вытекающие из них, наличие которых обуславливает возможность и целесообразность применения мер пресечения.

Их перечень, конечно же, не является закрытым, что, представляется верным и позволяет правоприменителю учесть максимальный в конкретной ситуации спектр условий, предопределяя объективную возможность должностного лица избрать действительно эффективную по своим превентивным возможностям меру пресечения конкретному лицу, не создавая излишних необоснованно жёстких правоограничений.

Меры пресечения представляют собой единую систему мер, находящихся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, что отличает систему от простой совокупности.

Элементы такой системы – отдельные меры пресечения, сформулированы как разнопорядковые меры, имеющие отличный друг от друга правоограничительный потенциал, разные механизмы превентивного воздействия, оказываемого на лицо, на которое направлено уголовное

преследование, но, при это, направленные на достижение единой цели, применяемые к единым субъектам по общим для всех мер пресечения основаниям.

Заключение под стражу по праву занимает одно из важнейших мест в системе мер пресечения главы 13 УПК РФ, выступая в качестве самой строгой по степени репрессивности мерой пресечения, учитывая порядок расположения мер пресечения в тексте ст. 98 УПК РФ и, соответственно, главе 13 УПК РФ в целом.

Как правило, именно заключение под стражу выступает в качестве наиболее обсуждаемой меры, что связано с тем, что посредством её применения происходит наиболее жёсткое вторжение в сферу прав и свобод личности, гарантированных на конституционно-правовом уровне, что приводит к обоснованному выводу о том, что данная мера обладает исключительным, по своему правоограничительному свойству, потенциалом.

Данный тезис ставит перед должностным лицом, производящим выбор конкретной меры пресечения для подозреваемого или обвиняемого, необходимость обращения к иным мерам пресечения, осуществлять первичный анализ возможности применения любой другой меры и лишь при невозможности такового выбора, инициировать применение заключения под стражу.

В системе мер пресечения, заключение под стражу выступает альтернативой иным мерам пресечения в тех случаях, когда применение иной меры пресечения и достижения цели, которую преследует институт мер пресечения в российском уголовном процессе, является невозможным, или неэффективным.

Применение меры пресечения в виде заключения под стражу предполагает определённые процессуальные особенности, закреплённые в нормах главы 13 УПК РФ. Данные особенности продиктованы необходимостью создания гарантий защиты прав и свобод личности, вовлечённой в уголовно-процессуальную деятельность.

В частности, законом установлен запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ряда преступлений, прямо указанных в тексте ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и связанных с предпринимательской деятельностью, при отсутствии дополнительных обстоятельств, создающих необходимость применения заключения под стражу.

Тем самым, законодатель создаёт дополнительные гарантии стабильности экономики и эффективности деятельности хозяйствующих субъектов, участвующих в гражданско-правовом обороте.

Ст. 108 УПК РФ содержит ограничения, связанные с возможностью применения заключения под стражу к лицам, не достигшим возраста совершеннолетия, создавая тем самым дополнительные условия для обеспечения интересов подрастающего поколения, лишённого того объёма осознанности и тех сформированных социальных основ, которые имеют взрослые и т.д.

Таким образом государством создаётся необходимый баланс в соотношении защиты прав и свобод личности и необходимости достижения назначения уголовного судопроизводства, сопряжённого с применением государственного принуждения.

Существующее уголовно-процессуальное регулирование мер пресечения в общем и заключения под стражу в частности, произведено законодателем достаточно содержательно, учитывая множество изменений, внесённых в главу 13 УПК РФ за последние годы. Данными изменениями были детализированы многие положения, касающиеся процессуального порядка избрания мер пресечения, а также расширен «арсенал» мер пресечения, посредством дополнения существующей системы новой мерой в виде запрета определённых действий.

Нормативная регламентация заключения под стражу в действующем УПК РФ отличалась и отличается достаточной содержательностью, но в науке продолжают дискуссии и высказывается критика в адрес законодателя.

К сожалению, законодателем, в числе критериев, обуславливающих применение заключения под стражу, не учтён характер инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния и направленность совершённого преступления, что также имеет слабую и не всегда очевидную связь с тяжестью совершённого преступления.

Таким образом, представляется необходимым включить в ч. 1 ст. 108 УПК РФ дополнительные критерии, обуславливающие избрание меры пресечения в виде заключения под стражу.

Избрание заключения под стражу, применительно к несовершеннолетним также регламентировано недостаточно хорошо. В частности, законодатель не конкретизировал, какие именно обстоятельства, образуют исключительную ситуацию, позволяющую правоприменителю избрать заключение под стражу в отношении несовершеннолетнего лица – данный вопрос оставлен на усмотрение должностного лица, обладающего властными полномочиями.

Для решения обозначенной проблемы представляется целесообразным усовершенствовать процессуальную регламентацию процедуры избрания заключения под стражу в отношении несовершеннолетних, а именно: конкретизировать обстоятельства, квалифицируемые при избрании заключения под стражу несовершеннолетнему, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления средней тяжести, как «исключительные».

Таким образом, резюмируя сказанное, следует отметить, что под исключительными случаями избрания в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести меры пресечения в виде заключения под стражу можно понимать: наличие судимости за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление; совершение нескольких преступлений, за которые предусмотрены наказания в виде лишения свободы, а также в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Есть мнение, высказываемое в науке о том, что сама процедура судебного санкционирования применения к лицу заключения под стражу, в определённой мере, предрешает вопрос о его виновности данного лица.

Решение данной проблемы отдельные специалисты, видят разведении компетенции судей – одни судьи рассматривают и разрешают дела по существу, а другие – осуществляют полномочия, связанные с осуществлением оперативного судебного контроля.

Также учёные критикуют достаточно формальную и поверхностную детализацию процедуры рассмотрения и разрешения судом ходатайства о заключении под стражу подозреваемого (обвиняемого). В частности, законодатель не конкретизировал возможность непосредственного допроса судом участников уголовного судопроизводства в целях проверки обоснованности подозрения.

Как представляется, такая процессуальная возможность способна преодолеть формальный подход в разрешении ходатайств о заключении под стражу и повысить эффективность судебного контроля в указанном направлении.

С учётом того, что единственным органом, которому в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а также п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ адресовано полномочие применить к подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения, является суд, основные проблемы, связанные с применением предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка, имеют место на этапе рассмотрения и разрешения судом ходатайства о заключении под стражу.

Следует обратить внимание на необходимость учёта следующих моментов при рассмотрении и разрешении судом ходатайств о заключении под стражу подозреваемых или обвиняемых.

Так, необходимо устанавливать обоснованность подозрения лица, в отношении которого рассматривается ходатайство о заключении под стражу, в совершении преступного деяния.

Также необходимо подчеркнуть необходимость исследования сведений, подтверждающих причастность лица к совершению преступления непосредственно в судебном заседании. Отсутствие такого анализа, равно, как и отсутствие ссылки на подтверждающие сведения в судебном постановлении, являются существенным нарушением процедуры.

Также немаловажным является один из существенных аспектов разграничения судебного постановления, в рамках которого разрешается вопрос о возможности применения к лицу заключения под стражу и обвинительного приговора, в котором происходит констатация виновности (а не предполагаемой причастности) в совершении инкриминируемого преступления. В этой связи является недопустимым использование судом, при разрешении ходатайства о применении к лицу заключения под стражу в качестве меры пресечения формулировок, свидетельствующих о некоем предрешении вопрос о его виновности – должна лишь производиться наличие оснований для заключения лица, на которое направлено уголовное преследование, под стражу.

Подобные судебные ошибки также подлежат устранению в суде апелляционной инстанции. Оптимальным вариантом представляется отмена соответствующего судебного постановления, предрешающего вопрос о виновности лица, как противоречащий базовым принципам российского уголовного судопроизводства (принципу законности, принципу презумпции невиновности и т.д.)

Допущенное судом нарушение принципов уголовного судопроизводства нельзя считать «технической ошибкой», которую можно устранить редакционным путём.

Следует сделать вывод о невозможности основывать решение о возможности применения к лицу заключения под стражу лишь на тяжести инкриминируемого деяния, несмотря на то, что тяжесть инкриминируемого преступного деяния выступает лишь одним из аспектов, учитываемых при удовлетворении судом такого ходатайства.

Если суд считает, что иная мера пресечения, помимо заключения под стражу, не может быть применена, он в обязательном порядке должен отразить те обстоятельства, которые создают данные препятствия – таким образом соответствующее постановление обретает необходимую обоснованность.

Следует также отметить, что проблемы, связанные с практикой применения заключения под стражу, всё же, не сводятся исключительно к судебным ошибкам – первопричиной допущенных ошибок на этапе рассмотрения и разрешения судами соответствующих ходатайств выступает низкое качество самих ходатайств, подготовленных должностными лицами, осуществляющими расследование уголовных дел – следователями и дознавателями.

В ряде случаев имеет место представление неполных либо недостоверных сведений о личности лица, на которое направлено уголовное преследование, подозреваемого, обвиняемого; отсутствие указания на обстоятельства, указывающие, что лицо может совершить нежелательные действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ и т.д.

Подобные процессуальные нарушения влекут вынесение необоснованных, а, следовательно – незаконных судебных актов. В большинстве случаев происходит нарушение права лица, к которому заключение под стражу применяется в нарушение существующего порядка, а в ряде случаев, когда заключение под стражу не применяется при наличии к тому оснований, вред причиняется интересам общества, поскольку создаёт предпосылки для создания со стороны подозреваемого или обвиняемого препятствий нормальному ходу и результатам расследования.

Инструментом преодоления подобных нарушений является усиление ведомственного контроля, а также обжалование незаконных и необоснованных судебных актов, когда суд вышестоящей инстанции отменяет необоснованное решение суда нижестоящей инстанции, разрешающего ходатайство о заключении под стражу, что отводит важную роль в данном вопросе качественной работе адвоката-защитника.

Таким образом, можно резюмировать необходимость продолжения поступательного совершенствования уголовно-процессуального регулирования, а также правоприменения, связанного с такой мерой пресечения, как заключение под стражу.

Это особенно важно в контексте той репрессивности, которая неразрывно связана с анализируемой мерой пресечения и вытекает из её правоограничительной сущности.

Также важна постепенная смена существующего вектора в правоприменительной практике, который состоит в активном применении заключения под стражу. Как представляется, необходимо продолжать создание предпосылок для применения иных мер пресечения из существующей системы, как альтернативы наиболее строгой мере пресечения, что соответствует идее гуманного отношения к личности и применения к лицу только того объёма правоограничений, который будет достаточным и эффективным.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Антонова А.В. Проблема применения меры пресечения в виде заключения под стражу к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) // Общество и право. 2009. № 5 (27). С. 232-235.
2. Апелляционное постановление Брянского областного суда от 30.01.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16.01.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
4. Апелляционное постановление Самарского областного суда от 21.01.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
5. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 16.12.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
6. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 183-186.
7. Бахулова З.М. Проблемы применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Закон и право. 2022. № 6. С. 122-124.
8. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2023. 952 с.
9. Белозерцев С.М., Балашова А.А. Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1 (80). С. 16-23.
10. Божьев В.П. Уголовный процесс: Учебник. М., 2014. 677 с.
11. Бойков А.Д. Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая характеристика // Научно-практическая конференция

«Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9. С. 90-96.

12. Бурлакова Я.Ю., Головинская И.В. Избрание и применение мер пресечения, не связанных с лишением или ограничением свободы: Монография. Владимир, 2010. 315 с.

13. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 114-120.

14. Гашимов Р.Р. Проблемные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Образование и право. 2019. № 10. С. 165-167.

15. Гершевский Ю.Р. Судебная юрисдикция в сфере применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 68-70.

16. Гершевский Ю.Р. Уголовно-процессуальные проблемы защиты прав и свобод личности в контексте заключения под стражу // Российский судья. 2020. № 8. С. 19-24.

17. Головинская И.В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 88-93.

18. Гольцов А.Т. Заключение под стражу в Российской Федерации // Диссертационные исследования проблем адвокатуры и адвокатской деятельности: сборник материалов. М., 2012. 255 с.

19. Еникеев З.Д. Применение мер пресечения по уголовным делам (в стадии предварительного расследования). Уфа, 1988. 269 с.

20. Еникеев З.Д. Проблемы эффективности мер уголовно-процессуального пресечения. Казань, 1982. 130 с.

21. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М. : Издательский дом «Буквовед», 2007. 416 с.

22. Кириллова Н.П. Проблемы компетенции суда при рассмотрении ходатайства следователя о заключении под стражу // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сб. статей. / Отв. ред. И.В. Чаднова. - Томск, 2016. С. 166-171.

23. Кириллова Н.П. Усиление судебного контроля как одно из направлений повышения эффективности уголовно-процессуальной политики государства // Петербургский юрист. 2016. № 3. С. 188-198.

24. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. 220 с.

25. Ковтун Н.Н. Специализированный следственный судья: за и против // Российская юстиция. 2010. № 9. С. 41-45.

26. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под науч. ред. Г.И. Загорского. - М. : Проспект, 2016. 390 с.

27. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

28. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. № 144.

29. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 137 с.

30. Лавдаренко Л.И., Амосова Т.В., Борбат А.В. Мера пресечения в виде заключения под стражу в контексте требований пропорциональности, соразмерности и справедливости // Российский следователь. 2020. № 3. С. 14-18.

31. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

32. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996. 251 с.

33. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1056 с.

34. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9, сентябрь, 2017.

35. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2011 г. № 250-О-О // СПС «Консультант плюс»

36. Осодоева Н.В. Основания для избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 10. С. 32-35.

37. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М, 1989. 190 с.

38. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. 188 с.

39. Поддубняк А.А., Аблаева Д.С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 179-184.

40. Постановление Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21.09.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2014.

43. Постановление Советского районного суда г. Казани от 09.11.2015 г.
// Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
44. Постановление Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики 02.03.2015 г. // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
45. Россинский С.Б. Уголовный процесс России: Курс лекций. М., 2007. 233 с.
46. Русаленко Н.В., Сухова Л.Е. Актуальные проблемы применения меры пресечения «заключение под стражу» // Территория науки. 2013. № 2. С. 275-278.
47. Тетюев С.В. Избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. № 7. С. 20-23.
48. Тучина О.А. Понятие и правовая природа мер пресечения, обусловленных и не обусловленных изоляцией подозреваемого, обвиняемого от общества // Российский следователь. 2022. № 8. С. 32-35.
49. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
50. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
51. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
52. Хапаев И.М. Понятие и значение меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном судопроизводстве // Северо-кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 126-128.
53. Цветкова Е.В. Особенности и порядок применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // Российский следователь. 2012. № 15. С. 13-16.

54. Черемисина Т.В. Взаимодействие следователя и суда при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. 2018. № 2. С. 29-32.